

Франц Гартман

ЖИЗНЬ ПАРАЦЕЛЬСА

И

СУЩНОСТЬ ЕГО УЧЕНИЯ

МЕДИЦИНА • КОСМОЛОГИЯ • АНТРОПОЛОГИЯ
ПНЕВМАТОЛОГИЯ • МАГИЯ И КОЛДОВСТВО
АЛХИМИЯ И АСТРОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ И ТЕОСОФИЯ

Франц Гартман

Жизнь Парацельса и сущность его учения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3373705

Франц Гартман. Жизнь Парацельса и сущность его учения:

Культурный центр «Новый Акрополь»; Москва; 2009

ISBN 978-5-901650-48-6

Аннотация

Автор книги – немецкий врач – обращается к личности Парацельса, врача, философа, алхимика, мистика. В эпоху Реформации, когда религия, литература, наука оказались скованными цепями догматизма, ханжества и лицемерия, Парацельс совершил революцию в духовной жизни западной цивилизации. Он не просто будоражил общество, выводил его из средневековой спячки своими речами, своим учением, всем своим образом жизни. Весьма велико и его литературное наследие. Философия, медицина, пневматология (учение о духах), космология, антропология, алхимия, астрология, магия – вот далеко не полный перечень тем его трудов. Автор много цитирует самого Парацельса, и оттого голос этого удивительного человека как бы звучит со страниц книги, придает ей жизненность и подлинность.

Содержание

ЭТИКА ПАРАЦЕЛЬСА	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	21
I. ЖИЗНЬ ПАРАЦЕЛЬСА	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Франц Гартман
Жизнь Парацельса и
сущность его учения
МЕДИЦИНА .
КОСМОЛОГИЯ .
АНТРОПОЛОГИЯ
ПНЕВМАТОЛОГИЯ .
МАГИЯ И КОЛДОВСТВО
АЛХИМИЯ И
АСТРОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ
И ТЕОСОФИЯ

Hartmann Franz. The Life of Philippus Theophrastus Bombast of Hohenheim, Known by the Name of Paracelsus and the Substance of his Teachings, Concerning Cosmology,

Anthropology, Pneumatology, Magic and Sorcery, Medicine, Alchemy and Astrology, Philosophy and Theosophy. – London, Redway 1887.

Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст из Гогенгейма, известный под именем Парацельса (1493–1541)

ЭТИКА ПАРАЦЕЛЬСА

«В переломные моменты истории человечества, в хаотические периоды поворота, когда старые, застывшие формы культуры и цивилизации разрушаются, чтобы предоставить место новым, рождаются Вестники – скромные, великие, светлые и загадочные души, принадлежащие одновременно предыдущей и последующей эпохе. Они появляются, словно звезда Волхвов, чтобы указывать нам Путь...» (Е. Сикирич).

Время рождения новой культуры, нового мировоззрения всегда чем-то напоминает начало весны, когда после долгого сна просыпаются деревья, тает снег и все приходит в движение, когда на месте чистого и ровного снежного пространства возникает пестрая картина из почерневшего, тающего снега, появляющейся из-под него земли, веток и прошлогодней листвы, из ручьев и первых весенних цветов. После строгости и консерватизма средневековой культуры Возрождение было подобно хаосу различных теорий, систем и взглядов. Это был сложный, переломный момент в истории человечества, когда на смену старой науке, старому искусству, старому мировоззрению приходили новые формы и происходила борьба между миром умирающим и миром рождающимся; момент контрастов, когда рядом с гениальными личностями, удивительными открытиями и прекрасными творениями существовали религиозный и научный догматизм,

политическая борьба, заговоры, непросвещенность, жестокость и распущенность людей, эпидемии и одно из самых страшных «детищ» этого времени – инквизиция. Создается впечатление, что с «пробуждением» культуры на свет появились не только талант и гениальность отдельных людей, но также нечто темное и жестокое, ранее подавлявшееся строгостью морали и аскетизмом средневековья.

Хочется заметить, что для современного мира, и особенно для России, актуально многое из эпохи Возрождения, поскольку, оглядываясь назад, мы видим, что те проблемы, с которыми сегодня сталкивается мир, уже переживались нашими предшественниками.

Древние мудрецы Востока и Запада учили, что история повторяется, что она проходит в своей эволюции как периоды относительно спокойного существования и развития культур, так и переломные точки, моменты смены эпох. Все эти точки поворота имеют схожие черты: в такие моменты появляются толпы новых «мессий» и новые религиозные секты, многочисленные направления антиэстетического авангардного искусства – своеобразной формы протеста против существующих правил; возникают новые научные и псевдонаучные теории. Среди этого многообразия встречаются подлинные жемчужины, которые нелегко разглядеть в окружающем мусоре. Уходящее старое сражается с новым, которое еще только возникает. В такие моменты происходит множество войн, государства дробятся на враждующие об-

ласти; умирающие формы религии и культуры, подобно зверям, чувствующим скорую гибель, становятся еще более догматичными и жестокими. Спокойное и логическое течение истории сменяется беспорядком, то, что казалось прочным и долговечным, рушится в одно мгновение, а ветер истории сметает все привычное, не оставляя растерянным людям никаких точек опоры, ничего постоянного, чему можно было бы верить.

Тогда приходят люди, которые посреди этой круговерти стоят, подобно маякам, освещая путь потерявшимся во мраке. Философия истории учит, что именно в моменты смены эпох, в моменты наибольшего хаоса в мир опускаются архетипы и модели новых времен, которые находят пристанище в умах и сердцах тех, кто среди окружающего шума не потерял способность слышать и видеть. Тогда рождаются люди-Титаны, носители и выразители великих Идей. Они способны увидеть в хаосе знамения нового и среди умирающих преходящих форм видеть и провозглашать древнюю мудрость, ибо знают, что за разнообразием форм скрываются одни и те же вечные законы, которые существовали и будут существовать, пока жива вселенная, и которые просто меняют свой облик от эпохи к эпохе, от культуры к культуре. Эти люди-Титаны живут душой в будущем, видят прошлое и пытаются донести новые, а на самом деле вечные истины до своих современников. В период мировых кризисов и войн, во времена безысходности они показывают людям новые пу-

ти и на своем примере учат, как можно жить в подобное время, основываясь на идеалах добра, мужества и красоты.

Эпоха Возрождения явила нам созвездие великих имен, таких как Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, Дюрер, Ян ван Эйк, Тинторетто, Веронезе в искусстве; Палладио, Альберти, Брунеллески, Делорм в архитектуре; Шекспир, Петрарка, Рабле, Сервантес, Боккаччо, Ариосто, Монтень в литературе; Николай Кузанский, Пико делла Мирандола, Марсилио Фичино, Эразм Роттердамский, Лоренцо Валла в философии; Джордано Бруно, Коперник, Галилей, Везалий в науке. В ряду этих людей стоит великий Парацельс.

Знаменитый философ, алхимик и врач XVI века, Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст из Гогенгейма, известный как Парацельс, был удивительным, загадочным, сложным и, на первый взгляд, противоречивым человеком, которого одни считали пьяницей и буяном, другие – женоненавистником, третьи боялись его ясного ума и острого языка и гнали, обвиняя в ереси, четвертые молились на него, поклоняясь как магу и чудотворцу, и т. д. Парацельс был истинным сыном эпохи Возрождения. Он столь же велик и сложен для нашего понимания, как и само это время. Он был одним из тех, кого мы сегодня называем людьми-Титанами, творцами новой эпохи и новой культуры.

Несмотря на то что Парацельс в течение многих веков был объектом пристального внимания исследователей, сегодня

о нем известно немного, поскольку его изучали преимущественно как врача. К тому же основная часть его трудов осталась непереуведенной и существует исключительно на латинском и старонемецком языках, поэтому обычному читателю практически недоступна.

Книга известного розенкрейцера и теософа, близкого друга Е. П. Блаватской Франца Гартмана, публикуемая нами, – новая попытка приподнять завесу тайны над замечательной личностью Парацельса. Этот труд раскрывает его с неожиданной для читателя стороны – как философа и мистика, мага и алхимика, человека, одинаково сведущего в тайнах мироздания и в искусстве врачевания человеческого тела и души, обладавшего отвагой воина и чистотой ребенка.

* * *

Одним из самых важных достижений эпохи Возрождения было обращение на новом уровне к античным наукам и искусствам, переосмысление природы и человека, возвращение к античному пониманию мира как единого организма, единого живого существа, тело которого состоит из звезд, подобно тому как наше тело состоит из атомов. Человек античности существовал в мире, наполненном жизнью, в мире, который не разделялся на «живую» и «неживую» природу. Его вселенная представляла собой гармонично устроенную систему, иерархию больших и малых, высших и низших су-

ществ, объединенных совместной деятельностью, в которой они сознательно или бессознательно участвуют, как клетки и органы тела участвуют в его работе. Он не страдал от чувства трагической пустоты внутри и вокруг себя, как страдает человек XX века, который в бесконечной вселенной, в окружении миллионов других существ остается одиноким. Античный человек чувствовал себя маленькой частью великого целого, частью общества, природы, универсума. И он, как и все сущее, нес в себе Божественное начало.

Это древнее учение стало одной из фундаментальных теорий Парацельса и многих других алхимиков, астрологов, магов и натурфилософов эпохи Возрождения. «Как вверху, так и внизу», – гласит знаменитая «Изумрудная скрижаль» Тота-Гермеса. Макрокосм и микрокосм суть две стороны одного целого, две формы проявления вездесущего Божества. Все в мире имеет один источник – Первоначало, все построено и работает по единым законам – и человек, и вселенная. Они состоят из одних и тех же элементов, алхимических начал, выраженных в разных физических формах. Поэтому, зная законы вселенной, мы можем понимать происходящее в человеке, а изучив человека, лучше поймем то, что происходит в великом мире.

Вышесказанное относится не только к видимому человеку и видимому миру, но касается также невидимых планов. И Парацельс, и философы Возрождения, и античные философы высказывали предположение, что каждое существо не

ограничено физическим телом, но имеет также другие, невидимые для человеческого глаза тела, состоящие из вещества, отличного от атомов и молекул. Эти невидимые тела Платон называл душой и духом, Парацельс – звездным телом, человеческой и божественной душой, а философы Индии выделяли помимо физического тела еще шесть невидимых тел. О двух из них – праническом и астральном – было хорошо известно оккультистам XIX века, и их существование начинает признавать даже современная наука.

Когда Парацельс говорил о взаимосвязи между человеком и вселенной, он подразумевал, в первую очередь, не физическую связь, но взаимодействие, происходящее на тонких, невидимых планах. Благодаря этой связи космос способен влиять на человека видимым и невидимым способом. В свою очередь, человек способен влиять на великий мир не только физически, но также своими мыслями и чувствами.

Таким образом, в философии Парацельса ставится вопрос об ответственности человека перед вселенной и возникающих в связи с этим этических требований к нему. Подобное учение развивал Платон, а также индийские философы, говорившие о законах Кармы и Дхармы. Согласно этой доктрине, каждый человек как часть великого мира имеет свое предназначение, свою эволюцию, являющуюся, в свою очередь, частью великой эволюции вселенной. Если человек противодействует законам вселенной, не соблюдает Закон, то он вносит разлад в мировую гармонию. Человек может

наносить вред природе и самому себе, не только загрязняя окружающую среду и истощая ее ресурсы, но также отравляя окружающий мир эгоистическими делами и мыслями. Поэтому, когда множество людей из-за своего невежества не знают основных этических законов, не понимают человеческой ответственности перед остальным миром, когда они распущенны, плохо управляют своими мыслями и эмоциями, легко впадают в состояние злобы и агрессивности, зависти и неконтролируемого желания, – такое разрушающее воздействие на природу становится значительным и влечет за собой непредвиденную реакцию со стороны окружающего мира в виде природных катаклизмов, заболеваний, массовых истерий и т. д. Поэтому Парацельс в своих трудах резко выступает против моральной распущенности, агрессивности, зависти и прочих дурных человеческих качеств и призывает научиться не только их контролировать, но избавляться от них и развивать в себе возвышенные состояния души.

Многие теории и взгляды Парацельса сложны для нашего понимания; они могут показаться нам странными и даже жесткими. Проблема в том, что людей-Титанов трудно понимать людям обыкновенным, ибо великие часто исходят из соображений вневременной философии и высшей целесообразности. Если мы попробуем сравнить представления, естественные и привычные для древнего римлянина, средневекового араба, африканского каннибала, американского индейца, современного европейца и т. д., то увидим,

что они будут существенно различаться, а иногда противоречить друг другу. Однако если существуют мировые законы, единые для всех, то должны существовать и универсальные нравственные принципы, не зависящие от условностей разных времен и народов. Еще великий Платон говорил о том, что, независимо от канонов красоты, от множества форм, которые она принимает, существует Идея, принцип Красоты, который неизменен. Независимо от пристрастий и вкусов существуют принцип Любви, принцип Долга, принцип высшей Справедливости, принцип подлинного Героизма, принцип Братства и т. д. И эти Идеи, так же как вера в Божественное и способность воспринимать его, изначально существуют в душе каждого человека и иногда проявляются в нашем сознании, вызывая ностальгию по чему-то прекрасному и подлинному. Мы смотрим на все с позиций нашего времени, общественного мнения, личного удобства или неудобства, поэтому в жизни имеем дело лишь с отражениями этих принципов, искаженных зеркалом субъективности, и не узнаем их в других проявлениях. Например, приняв для себя определенный канон красоты, мы становимся слепыми ко всему, что не соответствует ему в нашем понимании, перестаем видеть красоту природы, окружающего мира, людей рядом с нами. Замыкаясь в рамках общепринятых критериев порядочности и непорядочности, дружбы и любви, не удосуживаясь определить для себя эти понятия, руководствуясь не голосом совести и своего сердца, а только сухим рас-

четом, мы тем самым закрепощаем свою душу и постепенно теряем способность проявлять заложенные в нас потенциалы. Из-за этого «фильтра», создаваемого стереотипами времени и нашими стереотипами, нам трудно воспринимать взгляды и точки зрения других людей, смотрящих на мир через свои собственные «фильтры», и тем более тяжело понимать и принимать людей, которые руководствуются критериями Вечного.

Эта внутренняя слепота имеет еще один, возможно, даже более опасный аспект – неспособность человека отличать истинное от ложного. С одной стороны, это проявляется в нашей обыденной жизни как чрезвычайная наивность и доверчивость ко всем тем, кто умеет лучше себя преподнести и больше обещает, без малейшего понимания того, что подобный человек может оказаться обманщиком и подлецом. Очень часто мы покупаемся на простые, легкие и быстрые рецепты приобретения денег, получения дипломов, исцеления болезней, овладения той или иной техникой медитации, работы с психической энергией, поднятия Кундалини за три дня и т. д. В большинстве случаев такое наше эгоистическое желание получить как можно больше при минимальных усилиях оборачивается всевозможными неприятностями. С другой стороны, современный человек отличается чрезвычайной подозрительностью ко всему новому и необычному, обыкновенно превращающейся в отторжение любой незнакомой вещи по принципу «этого не может быть, потому что

не может быть никогда». В достаточной степени это является следствием замкнутости человека, который, ограничиваясь своим маленьким, удобным для него мирком, не желает допускать в него никого и ничего, что могло бы угрожать его благополучию. Говоря языком современной науки, человек подобен замкнутой системе, которая не способна расти и изменяться, потому что практически не контактирует с окружающим миром. Говоря теми же терминами, в представлении Парацельса человек должен быть «открытой системой», то есть взаимодействовать с космосом и другими людьми, быть способным достойно отдавать и достойно получать.

Из-за этой внутренней слепоты мы не способны отличить Истинные вещи от подделок, одетых в красивую мишуру. Например, между истинной магией, как представлял ее Парацельс, и современными взглядами на нее существует колоссальная разница, а настоящий врач и мистик, по Парацельсу, не имеет ничего общего с современным экстрасенсом или приверженцем психотехник и медитаций. Ведь и Магия, и искусство Врачевания, и Алхимия основаны не на знании человеком набора пассов, не на способности работать с различными полями и даже не на знании законов природы, а, прежде всего, на величайшей внутренней чистоте и стремлении к истинному Благу. Никакие магические силы не достигаются путем различных техник, а естественным образом открываются в человеке, являясь лишь отражением его высокой духовности и мудрости.

Как уже говорилось, философия Парацельса по духу очень близка учениям мудрецов античности и древнего Востока, поэтому она не могла не затрагивать проблему внутреннего развития человека. Путь внутренней трансформации – важная часть всех традиционных учений Востока и Запада; отсюда представления о нем перешли к средневековым мистикам и алхимикам. В разных традициях путь этот назывался по-разному, но основной задачей человека, идущего по этому пути, было раскрытие собственных внутренних потенциалов, поиск своей истинной сути, своего Закона и предназначения, для того чтобы наиболее полно участвовать во всеобщей эволюции и быть на земле проводником и исполнителем воли Бога. Учение Парацельса говорит о том, что в момент сотворения человека было нарушено первоначальное мировое равновесие, и с тех пор предназначением человека является восстановление первоначальной гармонии. Во вселенной ничто не существует и не действует случайным образом, но самой природой предназначено для исполнения определенной роли в великом Театре Мира, главным сценаристом и режиссером в котором является Бог. Раскрывая свою истинную сущность, узнавая свою истинную «роль», человек учится сознательно участвовать во вселенском действии, а не быть бессмысленным балластом.

Каждый человек, учит Парацельс, наделен от природы тремя таинственными силами – Волей, Верой и Воображением, которые способны привести его к высшему совершенству. Воля – или Молитва – есть способность величайшего стремления человека к Богу, закон, заложенный в нем. Вера – способность ощущения Божественного во всем, великая мудрость, знание невидимой сути вещей, спящее глубоко в душе каждого человека; это величайшая сила, исходящая из источника всеобщего Блага, способная создавать, исцелять и производить чудесные превращения. Воображение – способность человека творить, способность призывать и воплощать высокие мечты. Эти три силы изначально даны каждому, но не каждый способен их проявить. В большинстве случаев они так и не развиваются и постепенно исчезают вместе с потерей способности мечтать, верить и надеяться. Когда эти скрытые в человеке силы пробуждаются, он становится Человеком Нового Олимпа, человеком-Магом, для которого не существует границ жизни и смерти, времени и пространства. Но стремящегося открыть эти силы в себе ждет долгий и трудный путь. «Необходимо искать и стучаться, обращаясь ко всемогущей Силе внутри нас, и сохранять ее недремлющей; и если мы будем делать это правильным образом и с чистым, открытым сердцем, мы получим то, о чем просим, и найдем то, что ищем, и двери Вечного, что были заперты, откроются перед нами...» Чтобы пробудить эти силы, человек должен избрать для себя не путь обычных людей, но путь

героев, он должен «научиться видеть Истину, а не довольствоваться ее описанием». Такой человек не может разбрасываться, не может ослаблять себя сомнениями, он должен стремиться к единой цели – познанию истинного Блага. Человек, желающий постичь Истину, стать настоящим магом, настоящим врачом, что для Парацельса одно и то же, не может сделать этого, сидя в кресле и витая в красивых фантазиях, но он должен пройти через трудности и лишения, должен уметь отречься от того, что было привычным и удобным, и отправиться в далекое духовное странствие. Как писал Парацельс:

«Знание, для которого мы предназначены, не ограничено пределами нашей собственной страны и не станет бегать за нами, но ждет, пока мы не отправимся на поиски его. Никто не сможет овладеть практическим опытом, не выходя из дома, равно как не найдет учителя тайн природы в углу своей комнаты. Те, что остаются дома, возможно, живут спокойнее и богаче, чем те, что странствуют; но я не желаю ни спокойствия, ни богатства. Счастье лучше богатства; счастлив же тот, кто путешествует, не имея ничего, что требовало бы заботы...»

Е. В. Косолюбова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Недавние исследования в области метафизики, трансцендентальной антропологии и мистицизма несомненным образом доказали реальное существование достаточно большого числа фактов и явлений поистине таинственных и оккультных, причины которых не могут быть объяснены наукой, поскольку ее средства познания ограничены несовершенством чувственного восприятия человека и не могут помочь там, где физические приборы оказываются беспомощны. Невозможно увидеть невидимое, так же как невозможно взвесить то, что веса не имеет; но все это, невесомое и невидимое, например космический эфир, светоносная сила солнца, жизненная сила растений и животных, мысль, память, воображение, воля, психологические влияния, воздействующие на состояние рассудка или производящие смену настроений, и многие другие вещи, слишком многочисленные, чтобы приводить их здесь, – все это, тем не менее, является неопровержимым фактом и существует вне зависимости от неспособности преподавателей анатомии и химии объяснить его возникновение. Если скептик-рационалист говорит, что всех этих вещей не существует, он имеет в виду лишь то, что их не существует в рамках его системы понятий, ибо отрицать возможность существования всего, о чем мы ничего не знаем, – все равно что представлять, будто владеешь всеми зна-

ниями, которые только есть в мире, и верить, что не может существовать того, чего ты не знаешь. Человек, безоговорочно отрицающий существование того, что находится за пределами его понимания, так как не соответствует его представлениям о мире, легковверен точно так же, как и тот, кто верит всему без разбора. Мысль обоих несвободна, она является рабой мнений, заимствованных у других и сформировавшихся в процессе получения образования и из собственного опыта (по природе ограниченного) взаимоотношений с миром. Если такие люди встречаются с каким-либо необычным явлением, которое превосходит их жизненный опыт, они зачастую либо относятся к нему с благоговейным трепетом и любопытством и готовы принять в отношении него любую, даже самую дикую и невероятную, теорию, либо отвергают свидетельства заслуживающих доверия очевидцев и даже виденное собственными глазами. Порой они не стесняются приписывать лицам весьма уважаемым низменные побуждения или самое глупое ребячество и легко верят в то, что серьезные и умные люди взяли на себя труд сыграть с ними «шутку». Часто вместо того, чтобы здраво поразмыслить самим, они охотно принимают наиболее нелепые теории.

Эти замечания могут показаться излишними, так как, наверное, никто из наших читателей не захотел бы оказаться в числе тех или других, но, тем не менее, обе эти категории невероятно многочисленны, и субъектов, к ним относящихся, ни в коем случае не следует искать только среди людей

необразованных и невежд. Наоборот, кажется, что сейчас, как и во времена великого Парацельса, три бича догматической науки – самомнение, легковерие и скептицизм – все еще идут рука об руку, и их излюбленным прибежищем являются лекционные аудитории и частные гостиные «образованных людей».

Трудно свету Истины пробиться к сознанию, которое до отказа забито глубоко укоренившимися мнениями, и только тот, кто может принять мнение другого – не как руководство к действию, но как совет – и способен воспарить на крыльях своего вольного гения к высотам свободной мысли, сможет принять Истину. Такие умы есть и в наши дни. Мир движется по спирали, и величайшие философы современности приближаются в сфере своего мыслетворчества к тому моменту, когда они придут к согласию с такими умами, как Пифагор и Платон. Только невежественный школяр может предполагать, что он знает гораздо больше, чем Сократ и Аристотель, если он выучил кое-какие современные теории, описывающие вещи весьма поверхностные, или познакомился с какими-то из современных изобретений, с которыми философы древности, может быть, не были знакомы; но если теперешние ученые знают о паровых двигателях и телеграфе больше, чем древние, то последние знали больше о движущих миром силах и передаче мысли на расстоянии без использования каких-либо видимых средств. Если сегодняшний анатом знает больше о тонкостях строения физического тела, то

древние знали больше нас о силах, которыми физическое тело создается, ибо оно есть не что иное, как реальное и видимое выражение этих сил. Современная наука может с успехом воспроизводить природные процессы или явления, по сути являющиеся внешними, с которыми древние знакомы не были; посвященные же в таинства древних могли работать с их внутренними причинами, о которых современная наука не знает ничего и которые вынуждена будет изучить, если желает прогрессировать в дальнейшем. В эволюционном процессе мироздания не может быть остановок. Есть лишь прогресс или регресс, подъем или падение. Если мы поступимся в дверь, ведущую в область невидимого, но не осмелимся войти в тот храм, где находится таинственная лаборатория природы, мы лишь еще глубже увязнем в тине иллюзии и растеряем еще больше качеств, необходимых человеку для познания собственной души. Неиспользуемая часть тела атрофируется; не применяемая на практике способность утрачивается. Если все наше время и внимание отдано иллюзиям чувств, мы теряем способность воспринимать сверхчувственное; чем больше мы смотрим на поверхность, тем меньше знаем о том, что таится в глубине; чем глубже опускаемся мы в материю, тем меньше замечаем явлений духа — того, что дает жизнь всему.

Но, к счастью для человечества, в любом зле заложено средство избавления от него, любое действие вызывает противодействие. Прогресс мира сходен с движением маятника,

который раскачивается из стороны в сторону. Однако мир в то же самое время движется и вперед. Эпохи фанатизма сменяются периодами расцвета мысли, которые могут закончиться временами скептицизма; века, отмеченные суевериями, нетерпимостью и невежеством в науке и религии, ведут к переворотам в области мысли, которые могут обернуться атеизмом и анархией; но каждое колебание маятника поднимает человечество ступенью выше по лестнице прогресса. Когда маятник достигает точки равновесия, он может оставаться в покое до тех пор, пока ему не будет придан импульс, исходящий из одного или другого крайнего положения.

Кажется, что наше время есть очередное приближение к этой срединной точке. Слепой материализм исчерпал все свои ресурсы; он все еще имеет множество неискренних сторонников, но очень мало тех, кто верит в него всем сердцем. Если и были люди, искренне верившие в него и следовавшие его учению вплоть до мелочей, они наверняка окончили свои дни в тюрьме или были вынуждены совершить самоубийство; однако подавляющее большинство защитников материализма, подобно приверженцам старой теологии, думает и чувствует противоположное тому, что говорит: они применяют свои теории к другим, но не желают начать с себя. Сомнение, великий враг истинной веры, является также врагом невежественного догматизма; оно убивает веру человека в себя и таким образом уменьшает в людях добрых силу творить добро, но оно также ослабляет яд тех, кто тво-

рит зло. Мир, едва вышедший на свет дня из тьмы фанатизма, на краткий миг был оболочен и ослеплен мишурным блеском осколков битой посуды, которые были собраны защитниками материалистической науки, выдававшими их за драгоценные камни; но мир освободился от действия чар и осознал всю ничтожность этого хлама, он опять жаждет света истины, пусть менее блестящей, но зато бесценной. Богатства, долгое время скрытые от взоров тех, кто был не в состоянии ни понять, ни оценить их значение, ныне заново открыты; жемчужины древней мудрости принесены с Востока; вновь забили фонтаны Знания, бездействовавшие на протяжении веков, и на явления, казавшиеся таинственными, непонятными и невозможными, пролился свет.

Едва мы погружаемся в атмосферу мистерий древности, перед нами открывается новый мир. Чем лучше начинаем мы понимать язык адептов, тем более возрастает наше уважение к их мудрости. Чем более мы становимся способны воспринять их идеи, тем шире становятся наши понятия о человеке. Анатомия, физиология и психология, которым учат они, представляют человека созданием неизмеримо более высоким, чем то недоразвитое и слабое существо, которое известно нашей науке как совокупность костей, мускулов и нервов. Современная наука пытается доказать, что человек является животным; учения адептов показывают, что он может быть богом. Современная наука наделяет его способностью выдерживать вес собственного тела; наука древ-

ности облакает его властью изменять судьбы мира. Современная наука отводит человеку для жизни весьма ограниченное число лет; наука древности учит, что он существовал всегда и, если того пожелает, никогда не перестанет существовать. Современная наука имеет дело с инструментом, которым настоящий человек пользуется настолько долго и настолько часто, насколько он соприкасается с миром феноменов, – и она ошибается, полагая, что этот инструмент и есть человек; адепты показывают нам истинную природу человеческой сущности, для которой одно земное существование есть лишь одна веха из множества в ее вечном движении вперед.

Во вселенной видимой есть вселенная невидимая, в мире следствий есть мир причин. В материи заключена сила, и обе они составляют одно, но существование обеих зависит от чего-то третьего, что есть таинственная причина их существования. В мире материи заключен мир души, оба они есть одно, но причиной их является мир духа. А внутри этих миров есть другие, видимые и невидимые. Некоторые из них известны современной науке, об остальных она даже не подозревает. Как миры одушевленных и неодушевленных существ, от человека – венца творения – до бесчисленных обитателей микроскопически малых вселенных, а также материальные миры солнц, планет и звезд, могут стать видимыми только для того, кто обладает необходимыми для этого приборами, так же и мир души и духовных явлений может

познать лишь тот, в ком проснулись внутренние чувства. Телесные вещи могут быть увидены при помощи способностей тела, однако вещи духовные требуют духовного восприятия.

Эта способность к духовному восприятию, потенциально заложенная в каждом, но развитая лишь у немногих, почти неизвестна современной цивилизации, потому что образование отстоит далеко от мудрости и приспособленный для расчетов интеллект, изучающий червей недр земных, не в состоянии увидеть движение духа к свету или осознать его существование. И тем не менее, эта наука, которую игнорирует современность, стара как мир. Ее знали пророки древности, Архаты и Риши Востока, посвященные брахманы, египтяне и греки. Ее основные положения можно найти как в Ведах, так и в Библии. На этих положениях покоятся основания религий мира. Они сформировали сущность тех таинств, которые открывались лишь получившим Посвящение во внутреннем храме, где проходили древние мистерии; раскрытие их непосвященным было запрещено под страхом пыток и смерти. Тайны эти были известны древним мудрецам, адептам и средневековым розенкрейцерам, на частичном понимании этих истин основана система современного масонства.

Не стоит путать их с той умозрительной философией, которая в рассуждениях идет от известного к тому, чего она знать не в состоянии, пытаясь нащупать путь в темноте при неверном свете логики и ощутить то, чего она не может уви-

деть. Эти учения были заповеданы теми сынами света, которые обладали способностью видеть. То были величайшие реформаторы религий всех эпох, от Конфуция и Зороастра до Якова Беме и Эккартсгаузена, и истинность их учений мог подтвердить всякий, чьи чистота сознания и сила интеллекта позволяли видеть и осознавать мир духа.

Некоторые из этих учений обращаются к этике и морали, остальные носят чисто научный характер; но оба эти аспекта тесно связаны друг с другом, ибо красота неотделима от истины. Они суть стороны одного и того же листа во вселенской книге природы, понимание которого дает читателю не просто мнение, но знание, и делает его не просто знающим, но озаренным Мудростью.

Среди тех, кто говорил о моральной стороне тайного учения, не найти существ более высоких, чем Будда, Платон и Иисус из Назарета; и не было мудрецов совершенней Гермеса Трисмегиста, Пифагора и Парацельса в ряду тех, кто говорил о ее научном аспекте. Они получали знания, далеко не всегда следуя застывшим методам обучения или принимая мнения «признанных авторитетов» своего времени; наоборот, они изучали Природу в ее собственном свете и сами стали этим светом, тем сиянием, лучи которого освещают мир разума. То, чему учили они, в некоторой степени получило развитие и подтверждение в учениях адептов Востока; однако многое из того, о чем последние хранили полное молча-

ние, было обнародовано Парацельсом триста лет назад¹. Но Парацельс «метал бисер перед свиньями» – невежды насмеялись над ним, завистники и клеветники втоптали в грязь его доброе имя, и в итоге он был предательски убит недругами. Но, несмотря на то что его физическое тело распалось на составляющие элементы, гений его жив, и, поскольку мир все более и более поворачивается лицом к восприятию истин духа, Парацельс предстает перед нами подобно солнцу, движущемуся по небосклону разума, чье сияние призвано осветить мир мысли и проникнуть глубоко в сердца новых поколений, чтобы подготовить ту почву, на которой взрастет наука грядущего столетия.

¹ Книга Ф. Гартмана была издана в 1889 г. – *Прим. ред.*

I. ЖИЗНЬ ПАРАЦЕЛЬСА

Наступление XVI века вызвало к жизни новую эру мысли и положило начало наиболее крупному и важному событию того времени – реформации церкви. Мир очнулся после долгого сна – оцепенения разума средних веков – и, стряхнув тяжкое бремя папского гнета, вздохнул свободно. Как с приближением дня растворяются ночные тени, так и клерикальный фанатизм, суеверия и догматизм стали постепенно ослабевать, когда Лютер во имя Высшей Силы вселенной вновь произнес божественное повеление: «Да будет свет!» Солнце истины снова начало всходить на востоке, и, хотя его свет, возможно, и был позже замутнен туманом и испарениями от разлагающихся догм и предрассудков, тем не менее, он был достаточно силен, чтобы оказать свое благотворное воздействие на последующие часы этого дня. Его лучи, проникая сквозь мрачную атмосферу косности и догматизма, достигали сомневающихся умов. Свободная мысль и свободное исследование, стряхнув цепи, которыми их на протяжении веков сковывали противники духовной свободы, вырвались из своей темницы и вновь поднялись к небесам, дабы испытать из источника истины. Слепое легковерие уступило место свободному исследованию; разум одержал победу в борьбе со слепой верой в авторитет церкви. Ум, привязанный к холодным и мертвым формам, получил свободу и мог развивать-

ся и проявляться в своем естественном виде. Истины, веками монополизировавшие и поработанные привилегированной кастой священников, стали общим достоянием всех, кто способен постичь их.

Столь ожесточенная борьба за свободу религиозной мысли не могла не вызвать потрясений в других областях духовной жизни. В науке также происходила борьба нового со старым, разума с софистикой, молодых истин с освященными временем заблуждениями. Логика сражалась с верой в отжившие идеалы. Стали подниматься новые созвездия, состоявшие из звезд первой величины и направлявшие свои лучи в глубочайшие тайники мысли. Лютер преодолел барьер церковной иерархии, Меланхтон и Эразм освободили речь, Кардано приподнял вуаль богини-природы, а Коперник, как некогда Иисус, приказал солнцу остановиться. Подчинившись его приказу, солнце остановило свой ход, и стало видно, как планеты движутся по своим орбитам, назначенным им мудростью Всевышнего.

Одним из величайших и наиболее просвещенных умов этой эпохи был Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст из Гогенгейма. Он родился в 1493 г. близ местечка Мария-Айнзидельн², в то время деревушки в двух часах ходьбы от швейцарского города Цюриха. Его отец, Вильгельм Бомбаст из Гогенгейма, был одним из потомков старинного и славного рода Бомбастов, чьей древней резиденцией служил замок

² В настоящее время – место паломничества.

Гогенгейм около деревни Плиннинген вблизи Штутгарта в Вюртемберге. Он был родственником гроссмейстера ордена рыцарей св. Иоанна, чье имя было Георг Бомбаст Гогенгеймский. В окрестностях Мария-Айнзидельна Вильгельм Бомбаст стал известен как врач; в 1492 г. он женился на сестре-хозяйке из лечебницы местного аббатства. В результате этого брака и появился на свет Теофраст, их единственный ребенок. Можно упомянуть, что Парацельс был прозван *Helvetius Eremita*³ по месту своего рождения; кроме того, впоследствии его иногда называли *Germanus* (германец), *Suevus* (сев) и *Arpinus* (арпинец)⁴.

³ Швейцарский отшельник (*лат.*). – *Прим. пер.*

⁴ Свевы – группа древнегерманских народов, арпинец – житель древнеитальянского города Арпин. – *Прим. ред.*

The lively Portraiture of the most famous and
profound Philosopher and Physition Aureol⁹
P. S.

Портрет Парацельса, подписанный Яном Ван Скорелем (1495–1562), в том виде, как он был напечатан в английском переводе книги Парацельса «Философия к афинянам». Лондон, 1657 г.

Был ли Парацельс оскроплен в детстве в результате несчастного случая или пьяным солдатом, как гласит предание, или не был – это доподлинно неизвестно. Известно, однако, что на его лице не росла борода, и его череп, сохранившийся до наших дней, по форме больше напоминает женский, чем мужской. Его всегда рисуют безбородым. Его портрет в полный рост до сих пор можно увидеть в Зальцбурге, на стене дома, где он жил (Линцер-штрассе, 365, напротив церкви св. Андрея). Другие портреты Парацельса имеются в издании Хузера (Huser) и в первом томе «Bibliotheca Magica» Гаубера (Hauber). Голова Парацельса, изображенная Кольбахом на его знаменитой картине «Век Реформации», находящейся в Берлинском музее, идеализирована и мало похожа на оригинал.

В ранней юности Парацельса обучал наукам отец, преподавший ему основы алхимии, хирургии и терапии. Парацельс всегда чтит память своего отца и отзывался о нем очень тепло – не только как об отце, но и как о друге и наставнике. Продолжил учебу он у монахов монастыря св. Андрея, расположенного в долине Савоны, под руководством ученых епископов Эберхарда Баумгартнера, Матиаса Шейдта

из Роттгаха и Матиаса Шахта из Фрайзинга. По достижении шестнадцати лет его отправили на учебу в университет Базеля. После этого его обучал знаменитый Иоганн Тритемий из Шпангейма (1461–1516), настоятель монастыря св. Иакова в Вюрцбурге, один из величайших адептов магии, алхимии и астрологии, и именно под руководством этого учителя особенное развитие и практическое применение получили склонности Парацельса к оккультным наукам. Тяга к оккультизму привела его в лабораторию богача Сигизмунда Фуггера в Шватце (Тироль), который, как и аббат Тритемий, был известным алхимиком, способным передать ученику многие ценные секреты.

Позднее Парацельс много путешествовал. Он побывал в Германии, Италии, Франции, Нидерландах, Дании, Швеции и России; считают, что он даже посетил Индию, когда был пленен татарами и доставлен к хану, сына которого впоследствии сопровождал в Константинополь. Любой читатель трудов Парацельса, знакомый с недавними откровениями восточных адептов, не может не заметить сходства этих систем, которые во многих отношениях почти идентичны. Поэтому вполне возможно, что во время пребывания Парацельса в татарском плену восточные учителя оккультизма открыли ему свое тайное учение. То, что говорил Парацельс о семеричном строении человека, о свойствах астрального тела, о привязанных к земле элементариях и т. д., на Западе в те времена было совершенно неизвестно. Но практически та же ин-

формация содержится в «Разоблаченной Изиде», «Эзотерическом буддизме» и других недавно опубликованных книгах и, как считается, исходит от некоторых восточных адептов. Более того: Парацельс много писал об элементалах, или духах природы, но, описывая их, он заменял восточные термины соответствующими названиями из германской мифологии, чтобы облегчить понимание этих вопросов своим соотечественникам, привыкшим к западной манере мышления. Вероятно, Парацельс оставался у татар с 1513 по 1521 г., так как, по свидетельству Ван Гельмонта,⁵ он прибыл в Константинополь именно в 1521 г. и получил там Философский камень.

Адептом, от которого Парацельс получил этот камень, был, как упоминается в некоей книге «Aureum vellus»⁶ (напечатанной в Роршахе в 1598 г.), некий Соломон Трисмозин, или Пфайфер, соотечественник Парацельса. Говорится, что этот Трисмозин обладал также универсальной панацеей; утверждают, что в конце XVII века он был еще жив: его видел какой-то французский путешественник.

Парацельс путешествовал по придунайским странам и посетил Италию, где служил военным хирургом в имперской армии и принял участие во множестве военных экспедиций того времени. В своих странствиях он собрал много полезных сведений, причем не только от врачей, хирургов и алхи-

⁵ Van Helmont, «Tartari Historia», § 3.

⁶ Золотое руно (лат.). – Прим. пер.

миков, но и общаясь с палачами, цирюльниками, пастухами, евреями, цыганами, повитухами и предсказателями. Он черпал знания и от великих, и от малых, у ученых и среди простонародья; его можно было встретить в компании погонщиков скота или бродяг, на проезжих дорогах и в трактирах, что послужило поводом для жестоких упреков и поношений, которыми в своей ограниченности осыпали его враги. Проведя в скитаниях десять лет, то применяя на практике свое искусство врача, то преподавая или изучая, по обычаю тех времен, алхимию и магию,⁷ в возрасте тридцати двух лет он возвратился обратно в Германию, где вскоре прославился после нескольких удивительных случаев исцеления больных.

В 1525 г. Парацельс отправился в Базель, а в 1527 г., по рекомендации Оксколампадия, городской совет назначил его профессором физики, медицины и хирургии, положив высокое жалование. Его лекции, в отличие от выступлений коллег, не были простым повторением мнений Галена, Гиппократы и Авиценны, изложение которых являлось единственным занятием профессоров медицины того времени. Его учение было действительно его собственным, и он преподавал его невзирая на чужие мнения, заслуживая этим аплодисменты студентов и ужасая своих ортодоксальных коллег тем, что нарушал установленный обычай учить только тому, что можно надежно подкрепить устоявшимися, общепринятыми свидетельствами, независимо от того, было ли это сов-

⁷ Conrad Gesner, «Epist. Medic.», lib. i. fol. I.

местимо с разумом и истиной.

В это же время он занимал должность главного городского врача; пользуясь этим, он обратился в городской совет Базеля с предложением передать все аптеки города под его надзор и разрешить ему проверять, хорошо ли провизоры знают свое дело и имеются ли у них в достаточном количестве настоящие лекарства, — так он мог предотвратить неоправданное завышение цен.

Как и следовало ожидать, этим он навлек на себя ненависть всех аптекарей и провизоров, а другие врачи и профессора, завидовавшие его успехам в преподавании медицины и исцелении недугов, присоединились к преследованию под предлогом того, что его назначение профессором университета было произведено без их согласия и что Парацельс был чужестранцем — никто не знает, «откуда он взялся», и, более того, неизвестно, является ли он «настоящим врачом». Все эти придирки и нелепые обвинения, возможно, не имели бы серьезных последствий, если бы он не восстановил против себя членов городского совета, резко выступив против крайне несправедливого, по его мнению, решения, вынесенного в пользу некоего каноника Корнелия из Лихтенфельса, которого он ранее спас от смерти, когда от него уже отказались другие врачи, и который повел себя по отношению к Парацельсу очень неблагодарно. Вследствие своего неосторожного шага Парацельс был вынужден тайно и спешно покинуть Базель в июле 1528 г., чтобы избежать нежелатель-

ных осложнений.⁸

После этого события Парацельс вновь вернулся к бродячей жизни, странствуя по стране, как в юности, останавливаясь в деревенских харчевнях и ночуя на постоялых дворах. За ним следовали многочисленные ученики, привлекаемые или жаждой познания, или желанием овладеть его искусством и использовать последнее в своих целях. Самый известный из них – Иоганн Опорин, который в течение трех лет был его секретарем и ассистентом, а впоследствии стал профессором греческого языка и знаменитым издателем, книготорговцем и печатником Базеля. Парацельс более чем неохотно раскрывал свои секреты, и Опорин позже весьма неодобрительно отзывался о нем в связи с этим, чем сыграл на руку его врагам. Но после смерти Парацельса он жалел о своем неблагоразумии и выражал преклонение перед учителем.

В 1528 г. Парацельс приехал в Кольмар, а в 1529 и 1530 гг. посетил Эссlingen и Нюрнберг. «Настоящие» врачи из Нюрнберга ославили его как мошенника, шарлатана и самозванца. Чтобы опровергнуть их обвинения, он попросил городской совет доверить ему лечение нескольких пациентов, чьи болезни считались неизлечимыми. К нему направили несколько больных слоновой болезнью, которых он излечил за короткое время, не прося никакой платы. Свидетельства этого можно найти в городском архиве Нюрнберга.

⁸ Urtstisius, «Baseler chronik.» bk. VII. chap. XIX. p. 1527.

Но этот успех не изменил жизнь Парацельса, которому, казалось, была предначертана судьба скитальца. В 1530 г. мы видим его в Нердлингене, Мюнхене, Регенсбурге, Амберге и Мерано, в 1531 г. – в Халле, а в 1535 г. – в Цюрихе. После этого он побывал в Мерене, Каринтии, Крайне⁹ и в Венгрии и в итоге осел в Зальцбурге, куда был приглашен герцогом Эрнстом, пфальцграфом Баварским, большим любителем тайных наук. Там Парацельс наконец смог увидеть плоды своих трудов и обрести славу.

Но ему не суждено было долго наслаждаться столь заслуженным покоем; 24 сентября 1541 г. после непродолжительной болезни он умер (в возрасте 48 лет и трех дней) в маленьком номере гостиницы «Белая лошадь», что на набережной, а его тело было похоронено на кладбище св. Себастьяна. Обстоятельства его смерти до сих пор не ясны, но самые последние исследования подтверждают версию его современников, согласно которой Парацельс во время званого обеда подвергся вероломному нападению бандитов, нанятых кем-то из врачей, его врагов, и в результате падения на камень проломил череп, что спустя несколько дней и привело к смерти. Немецкий врач С. Т. фон Земмеринг обследовал череп Парацельса, который благодаря его необычному строению невозможно спутать ни с каким другим, и заметил трещину, проходящую через височную кость (череп часто тро-

⁹ Средневековые герцогства, граничившие с Австрией и балканскими странами. – *Прим. ред.*

гали, и с течением времени она увеличилась и стала хорошо заметна). Он уверен, что такая трещина могла возникнуть только при жизни Парацельса, поскольку кости твердого, но старого и высохшего черепа нельзя было бы разделить подобным образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.